ЖИВАЯ СТАРИНА

1894 вып. 1

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Имераторскаго Русскаго Географическаго Общества

В. Н. Перетцъ

Деревня Будогоща и ея преданія

Этнографическій очеркъ

(*сноска:* Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года).

[OCR: *Все заметки в* ***квадратных*** *скобках - мои. Выделения жирным шрифтом - мои. Буква ѣ (ять) везде воспроизведена в печатном написании, прописная (наклонная) буква ять дополнительно помечена комментарием в квадратных скобках. Буква θ (русское фита = греческое тэта) в слове "миθология" и в фамилии "Аθанасьев" звучит как наше ф.*

Подстрочные комментарии В.Н. Перетца я перенес в текст.

В нескольких местах В.Н. Перетц ставил ударения над гласными. Я заменил их знаком апострофа (штрихом) стоящим после ударной гласной.

Орфография оригинала сохранена, исправлены лишь несколько явных опечаток.]

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи. На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ—лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы в деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣтъ и, несмотря увѣщанія приходскаго священника о. П. Д. Созина, предлагавшего даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, молъ, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотно посылают дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной — боязнь, что ребенокъ «выше отца-матери выростетъ», сбалуется, а затѣмъ — отдаленность школы, находящейся въ Будьковѣ - сельцѣ при церкви, верстах въ 6 оть

Будогощи. Зимой мѣшаетъ холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляеть дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ переѣзжать на лодкѣ; лѣтомъ же, как, извѣстно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идут въ лѣса рубить по найму дрова, или же — пилить ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскуи и Пчевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтѣ» всѣ смотрятъ съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замечая поведеніе, манеры, вообще всю внешность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюденіемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти школы — местный говоръ утрачиваетъ постепенно некоторыя древнія черты, напр, оканье и мѣну *ц* и *ч,* однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ русской діалектологіи» обратимъ вниманіе на следующее: на пространствѣ около 25 верстъ по теченію р. Пчевжи мною сдѣланы были наблюденія на обоихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели онѣ.

Говоръ жителей праваго берега отличается следующими особенностями.

Оканье довольно значительное: к*о*рета, *о*птека. *Е* послѣ мягкихъ согласныхъ и j произн. какъ j*о*; ѣ [*прописное ять*] постоянно = *и*: б*и*лой, хл*и*пъ, д*и*ло. Членъ отъ, та, то — весьма частъ: мужикъ-отъ, бабы-тѣ, бабъ-тыхъ (обычное литературное тѣхъ передается формою тыихъ), на лаву-ту. [*В конце 1950-х и начале 1960-х годов в Будогощи еще встречались такие словосочетания у детей. - OCR]*

Смѣшиваются падежи словъ женскаго рода: дат. и род. единственнаго, и дат. и твор. мн. числа.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто именит. и вин. съ неопредѣленнымъ: работа работать, соха над' чи-нить, пора лядина рубить, — солома возить, — корова доить и т. п.

Въ 3 лицѣ ед. числа отсутствуетъ окончаніе *т*ъ*:* вездѣ мы или не имѣемъ его, или -

форма оканчивается на *ть, те*: *идё*, говор*и*, кричи, но *је, јесте.* Также и во мн. числѣ *тъ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣемъ: пи*шо* (пишугъ), ле*жо*, ска*чо*, пока'*жо*, лю'*бя*, говор*я*. Случаи втораго полногласія: го'ропъ (горбъ), столо'пъ (столбъ), смерёдушка, на верёхъть. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «луськой бык-отъ давку [*девку*?] з а б о л ъ »; синтактическая особенность: просить съ дат. падежомъ: «просила брату большему»

Всѣ эти данныя записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ. [*коренные жители произносят Градоша' - OCR]*

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же *ѣ* [*ять прописное*] = *и*, но кромѣ того: мѣна *ц* и *ч*; *о* всегда съ особымъ удареніемъ; *е* чистое сохраняется послѣ j и мягкихъ согласныхъ: пойд*е*те; напь*е*шься, такъ помр*е*шь, бр*е*вно — р. бревенъ, пове'з*е*те'; сверхъ того - мягкое *д, т,* произносятся какъ мягкое *г, к,* или близко къ тому: пойгёмке (пойдёмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ *д* и *т* считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ вь деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить *д* и *т* такь мягко, какъ-они.

Чѣмъ объяснить подобную разницу въ частностях говора? Весьма вероятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной *ц* и *ч*); съ другой— пришлое населеніе, также занявшее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣтъ, **но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «корелой».**

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно оттѣнкамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди средняго роста (до 2 $^{1}/_{2}$ арш. [*177 см.*]), волосы большею частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и сѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій.

Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы дожны указать, что наблюденія г. Богоявленского дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими (Новгородокій Сборникъ, I т.).

Историческихъ, воспоминаній среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ: съ нимъ связаны многочисленныя нреданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои сведения о кладахъ крайне скудны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику (Тт. II, 80, 111; III, 3, 27, *3*7, 97, 23 и т. д; IV. 68; V. 18, 97 *и* passim), я перейду къ характеристикѣ міросозерцанія мѣстнаго жителя, главным образом останавливаясь на вѣрованіяхъ в сверхъестественныя существа.

Тысячелетнее христианство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ суевѣрій. Наряду с вѣрой въ Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣшими, водяными и др. Не мало безпокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила: не даромъ говорится пословица: Богу молись да на чорта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ заменять его евфемизмами: врагъ, онъ, шишко... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и поверья, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболее отразилась вѣра въ различныя таинственныя существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разсматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что онѣ возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерцаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встретимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболее подвергнувшимися обработкѣ на русской почве.

Обратимся прежде всего къ миѳическому существу, о которомъ сохранилось наиболее всякаго рода разсказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣшемъ. Местный крестьянинъ большую часть года проводить въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши

хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы, уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ саннаго пути онъ съ лошадью рядится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣетъ много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, целыми ночами разсказываются сказки одна другой фантастичней, и каждый гулъ вѣтра, движеніе куста или дерева, осыпаннаго снѣгомъ, стонъ звѣря, разнесшійся въ лесной глуши, даютъ поводъ и тему для новыхъ разсказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, человѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай разсказывали мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погостѣ местный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучитъ кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвечаетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: знай свое твердить, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ большой-большой, едва въ кабакѣ помещается. «Давай», говорить, «четверть вина!» Налилъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крякнулъ, закусиль селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велитъ налить. И эту выпилъ и третью и всё ведро. Денежки положилъ да и говорить: «сию зиму много звѣрья буде у васъ». Сказалъ и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живетъ съ пастухами, которые знають заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападеній звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пень и, прочитавъ заговорь, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать во первыхъ, по огромному росту, а кромѣ того онъ всегда безъ бровей, никогда не подпоясывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Воть какъ разсказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянннъ д. Градоши Прокопій Никифоровъ, съ которымъ частенько разныя чуда бывали.

Вь Ильинъ день, послѣ обхода съ крестами, пастухъ градською [*т.е. из Градоши' - OCR]* загналъ скотъ въ лощинку, а Прокопій тутъ и случись; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собирается. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталь, смотритъ черезъ ногу [*буквы неразборчивы - OCR]* и видитъ: сидитъ пастухъ на осиновомъ пнѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по серединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашиваетъ онь пастуха: «Выбирай себѣ любо'во, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говоритъ: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послу'жи».—«Ну, ладно»,— Кривой вражонокъ какъ схватить лозину, да какъ крикнетъ — и повалилъ скотъ по дорогѣ, а большой то и говорить пастуху: «смотри только, какъ станем загонять — иди по слѣду, а навстрѣчу не ходи: всѣ дома будутъ». И сгинули всѣ. Прокопій Никифрововъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой — лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ разсказъ о бабѣ лѣсовихѣ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жилъ онъ совсѣмъ одинъ. Разъ заходитъ къ нему прохожій и просится ночевать. Мужикъ пустилъ его, накормилдъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за ночлегь денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тяжело, что кругомъ лѣсъ, что скотина бываетъ заблудится, бывать звѣрье обидитъ. За хлѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ вороть выгони, — ввечеру придутъ къ воротамъ сами, только во дворъ загони. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходитъ скотина цѣлый день — въ вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасётъ!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видитъ пасется оно, а съ краю полянки стоить высокая - высокая старуха, опёршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянулъ её за руку да и говоритъ: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилецъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше - и вовсе сгинула. Подивился мужикъ, пошёлъ домой, а съ тѣхъ поръ скотъ пересталъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываютъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичаютъ, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., в Крестецкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребёнка, мальчика лѣтъ 13. Нынче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрыть кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбранили» или прокляли подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣлъ мѣсто фактъ: дома— домовой, в водѣ — водяной, въ лѣсу — лѣсовой.

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутникъ живеть въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываегь имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ.

Вотъ какъ описывалъ мнѣ встречу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогощи. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегь. Упалъ я, хочу выскочить — глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держитъ онъ меня когтями и не пускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулупъ вода холодная, слышу, льется, а онъ смотритъ: глаза то у врага водянаго такъ и горятъ. Перекрестился я, да какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегь то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго ».

Но случается, что водяной али омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человѣкоподобномъ видѣ. Разсказываютъ, будто однажды омуник изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помощь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

— В Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выходя оттуда, видятъ они старичка, который говорить нмь: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой,» спрашиваютъ мужики, «и чего тебѣ нужно»?

«Я здѣшній омутникъ», отвечаетъ старичекъ; забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житья мнѣ нѣтъ от него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Забоялись они, спрашиваютъ: «какь же мы его выгонимъ»? А онъ имъ: «возьмите стяжьё и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегь валъ, за нимъ другой, такъ вы по первому и бейте стяжьемъ, а втораго не троньте— это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валъ ударили по немъ мужики, а одинь то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь — стоить въ водѣ тотъ свой омутникъ и палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говоритъ, «бросаешь!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кисы на берегъ серебра насыпалъ и говорить: «Берите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли. — «Мы», говорятъ, «не за деньга брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сделали, что не взяли ничего», сказала разсказчица, еслибъ взяли, то всё равно деньги въ черепье дома обернулись бы

(*сноска:* О превращеніи бѣсовских денегъ в уголья см. у Аѳанасьева. Народныя русския легенды М. 1869 стр. 167. Опыт миѳологическаго объясненія см. в. его же статьѣ: «Миѳическая связь понятій свѣта, арѣнія, огня,металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. *2.*)

И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ обѣщался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже — будутъ, а у васъ на перевозѣ — никого».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествь, къ домашнимъ миѳическимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣе извѣстным - банному и ряженому хозяину.

Банный въ большинствѣ рассказов является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видь различныхъ людей и такимъ образомъ морочитъ деревенскій людъ. Въ банѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяевъ

(*Сноска:* Срв. Новгородскій сборникъ, I, 284-6.).

Вотъ что разскаывютъ въ д. М. Будогощѣ о банномъ:

Пріехалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяевъ байня топлена, и въ той байнъ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай сѣли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходять въ баню, раздѣлись въ передбанникѣ, входятъ въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежать и ноги раскарячилъ: видятъ — торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣстный, озорной!»- говорятъ бабы, — и домой. Пришли, на

торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходилъ. А показался то подъ видомь торгаша баенной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было. «Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подъѣзжае тройка: Вылѣзъ баринъ, велилъ сготовить чаю, созвать посидку, да и говоритъ хозяину: «стопи мни-ка байну, да найди человика, чтобъ меня помылъ да попарилъ, а я за всё сто рублей дамъ».— «Какъ за сто рублей не найти человика», говорить мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоет те и попари». «Ладно». Стопилась байна, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны нейдуть. Ждалъ — пождалъ, да и спрашиваетъ у кучера: «что, молъ, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ лю'би долго париться»! Пождалъ мужикъ еще: нѣтъ, неймется ему: пойду, думаетъ, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходя къ байны и гле'ди въ окошко; и види: сиди барнъ на полку и съ бабы кожу сымае. Онъ какъ закричать, да побежить за народомъ! Прибежали: баня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣтъ. Побежали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистлипымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожжетъ гумно и уничтожить весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды; не взлюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу: построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ деревню ночовать мужикъ съ медвѣдемъ. Куда его положить? неловко такого звѣря въ избу пускать. Вотъ ему и велѣли въ ригѣ той ночовать, что недавно построена была. Стопили ригу; мужикъ съ медвѣдемъ забрались туда и забились за печку: теплѣе тамъ ночовать. Въ полночь приходи рижной хозяинъ и принеси множество рыбы. Начал онъ ей печь на угольках; печетъ и роетъ на шесток [? *не разобрать буквы*], а медвѣдь из-за печки подбирать лапкой, - да подъѣдать. Рижной хозяин остатнюю рыбку спёк, на печку кинулъ. Хватился, стал искать — нѣтъ ни одной! Бросился за печку; какъ его сгрёбъ— и не знать кто - да началъ его тискать! «Ну, ты, пусти», кричитъ рижной, насилу вырвался, ушелъ весь оцарапаный. И черезъ несколько времени идетъ одна женщина рано поутру за водой, а онъ ей на стрѣчу и спрашиваетъ: «жива ли у мужика, чья этая рига, кошка?» - «Жива, да еще такихъ же семерыхъ родила»!—«Эко горе то», говорить рижный; «скажи

ты пожалуста мужику, что ригу ту я у него сжегъ, больше не буду, полно. Пусть онъ деньги мои оберетъ: ихъ подъ угломъ пивоваренный котелъ зарытъ. Хотѣлъ я ему опять ригу сжечь, да болѣ не пойду». И вправду, обралъ мужикъ деньги: большой котелъ полный серебра, и сталъ богато жить.

Наряду с разсказами, гдѣ действующими лицами являются существа миѳическія, пріуроченныя и, такъ сказать, прикрепленныя къ извѣстному мѣсту, мы находимъ не мало разсказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водянаго, насколько я наблюдалъ это, самый житель д. Будогощи не связываетъ продставленія о чемъ то страшномъ, зломъ, враждобномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмещаетъ въ своемъ міро-созерцаніи и Бога христіанскаго, и противуположное Ему существо, источникъ всякаго зла—чорта, или, какъ чаще его называютъ иносказательно, врага, и наряду съ ними нѣчто среднее — цѣлый рядъ божествъ, о которыхъ мы выше говорили. Представленія этихъ миѳическихъ существъ и чорта, діавола отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ —существо отвратительное; самое имя его грѣшно произносить, тогда какъ съ лѣ'шимъ или домовымъ вступить въ извѣстнаго рода соглашеніе далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ людей и миѳическихъ существъ мы говорили. Теперь рѣчь будетъ объ отношеніяхъ людей и нечистой силы, чорта. Некогда Аѳанасьевъ писалъ такъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутливо-сатирическій тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочных героевъ» (*Сноска:* Народныя русскія легенды собр. Аѳанасьвымъ стр. 76—77.). Слова Аѳанасьева, будучи отчасти справедливы относительно вышеприведенныхъ сказокъ о миѳическихъ существахъ, далеко не соответстуют истине, въ чемъ мы убѣдимся когда ниже ознакомися съ разсказами жителей д. Малой Будогощи о чертяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи мы встрѣтимъ среди жителей совершенно различное отношеніе къ нечистой силѣ, къ мертвецамъ и тому подобному чудеснымъ и таинственным существамъ. Въ иныхъ мѣстахъ вы совершенно не услышите сказокъ о мертвецахъ и чертяъ; въ иныхъ сказки найдутся, но будутъ, дѣйствительно, сатитрическаго характера; наряду съ этимъ есть много мѣстностей,

почти весь сѣверъ, гдѣ населеніе твердо верить въ существованіе чорта, какъ врага и ненавистника человѣка, гдѣ сказки о нечистой силѣ отличаются мрачнымъ характеромъ и совершенно лишены всякаго сатирическаго элемента.

Вот разсказъ о томъ какъ врагъ надъ человѣкомъ шутилъ.

Собралась разъ о святкахъ посидка. Много плясали, въ игры играли, пѣли. Ребята разбаловались и стали выдумывать, что бы такое почуднѣй сделать. Вотъ одинъ парень и говоритъ: "дай ка попытаю (испробую), какъ люди давятся. До смерти не задавлюсь же на глазахъ у всѣхъ. Вы меня, ребята, подержите, а я въ петлю голову суну». Всѣ рады: новая забава нашлась. Сделали мертвую петлю, привязали къ матицы; только онъ сунулъ туда голову да затянулъ малость— вдругъ въ двери становой, да какъ гаркнетъ: «А кто тутъ давиться задумалъ! Я вотъ сейчасъ всѣхъ васъ разберу»! Всѣ по угламъ разскочились, кто къ дверямъ бросился: глядь — никакого станового и не бывало, только метель крутитъ, да вѣтерокъ воетъ и снѣгъ переметываетъ. —Подошли всѣ къ парню, - а онъ и вправду задавился: виситъ въ петлѣ да покачивается. А становымъ то врагъ отъ прикинулся, да на людей мороку навелъ. Вообще, удавленники—любимая добыча чорта. Чорту - баранъ, какъ говоритъ пословица.

Даже тѣ люди, которые не боятся нечистаго и всячески угождаютъ Богу,- не обезпечены отъ нападеній нечистаго и козней его. Слышалъ я въ той же деревнѣ разсказъ о кузницѣ, который и привожу здѣсь.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ и кузница была у него. Былъ, онъ хорошій человекъ, никого не обижал, не обманывалъ, часто къ обѣдни ходил. Всѣ его любили, и всю бы жизнь свою онъ прожилъ по хорошему, кабы только врагъ на него не обидѣлся. Была у него въ кузницѣ, на правой сторонѣ; какъ войти, икона—Спасъ премилостивый, а на другой сторонѣ, на доскѣ, врагъ намалеванъ какъ есть, съ рогами, съ хвостомъ и весь въ шерсти. И всякой разъ, какъ взойдетъ кузнецъ въ свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнетъ и плюнетъ: всего его заплевалъ. И часто сожалѣлъ кузнецъ о томъ, что нѣть у него молотобойца, а одному работать не сподручно: иной работы иначе какъ вдвоемъ и не справить. А мастеръ онъ был первый въ тѣхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ приходитъ странникъ, еще молодой, и просится ночовать. Переночовалъ и просить еще на денекъ остаться, присталъ гораздъ. Что-жъ, - думаетъ кузнецъ, - пусть поживетъ денекъ, «А не побьешь ли ты молотомъ», говорить онъ

страннику. Странникъ согласился. Пошли въ кузницу, и весь тотъ день работалъ странникъ на кузнеца и очень ему по любился. Приходят домой ужинать, а кузнецъ и говорить: «кабы сталъ ты у меня молотобойцемъ, лучше тебя не надобъ» — «Что-жъ, мнѣ некуда идти, я хоть и у тебя поживу», - отвѣчаеть прохожий, —«Нанялъ бы я тебя, да не знаю, бываtъ много спросишь?» —«Что тамъ за много! Буду я у тебя жить, ты меня пои-корми, а черезъ три года дай мнѣ сковать то, что я захочу». Обрадовался кузнецъ. Работникъ лихой, всѣмъ хорошъ, всѣмъ доволенъ. Живетъ молотобоецъ годъ, живетъ другой, ужъ и третій къ концу приходитъ. И вотъ, наканунѣ дня разсчета, останавливается у кузнеца ночевать старенькой престаренькой рабъ Божій, странникъ.

Выходятъ утромъ они, кузнецъ и молотобоецъ, на работу, и говоритъ молотобоецъ: «помнишь хозяинъ условіе, дай сковать, что хочу», — «Да куй», говорнтъ кузнецъ, «желѣза много је».—«Только ты не смотри», предупреждаетъ молотобоецъ. Вошелъ онъ въ кузницу, что стояла на берегу рѣки, разжогъ горно и ждетъ. Проходитъ мимо старенькій старичекъ, что у нихъ ночевалъ. Идетъ и охаетъ; покачивается, отъ старости едва на ногахъ стоитъ, того и гляди по земли растянется. Кричитъ ему молотобоецъ: «Эй дѣдушка, заходи ко мнѣ»! — «Тяжело, родимый; на гору не здынусь», отвѣчаетъ старикъ. «Полно приходи сюда, я те помогу, помоложу». Подошелъ старикъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «Чѣмъ же ты меня помолодишь»?— «Перекую».—«Да что ты»— «Ложись, увидишь» — « Эхъ, все одно помереть», говоритъ старикъ, «лягу попытаю». А кузнецу то любопытно: прикинулся да въ щелку и смотритъ. И видитъ онъ: взялъ молотобоецъ старика, положилъ въ горно, засыпалъ уголья, да какъ заффычитъ мѣхами, только искры столбомъ поднялись. Раскалилъ старика, бросилъ на наковальню, билъ, билъ молотомъ, да въ разная стороны поворачивалъ; потомъ въ чанъ съ водой окунулъ: зашипѣла вода, паръ столбомъ поднялся. Кинулъ молотобоецъ старика объ земь — и сталъ старикъ молодцомъ .хоть куда: парень лѣтъ двадцати, кудри русыя въколечки завиваются, щеки полныя румянцомъ горятъ, походочка молодецкая. Встряхнулся повелъ глазами вокругъ: каковъ молъ я! Взялъ онъ котомочку, поблагодариль мастера и дальше пошелъ. Старый кузнецъ, словно ума рѣшившись, опрометью домой бросился; кричнтъ старухѣ матери: «Ей, матушка, давай я тебѣ перекую, моло'да будешь»! «Что ты», говоритъ ему мать, «аль Богъ разумъ отнялъ? видано-ль дѣло старковъ ковать»? «Э, не разговаривай со мной, я у молотобойца сейчасъ научился», закричалъ кузнецъ; схватилъ онъ старуху, та упирается. Приволокъ онъ ее въ кузницу, связалъ, бросилъ въ горно, и ну мѣхами раздувать. Старуха та вопитъ благимъ матомъ, а онъ и взаправду ума рѣшился: знай

себѣ дуетъ.

А молотобоецъ и странникъ, котораго помолодили, побежали по деревнѣ, и кричатъ: «идите все крещоны въ кузницу, смотрите какъ кузноцъ мать сожогь»! Сбежался народъ, ворвались къ кузнецу: видятъ кузнецъ безъ памяти мать жжетъ, а старуха ужъ померши. Взяли его въ железа, да и повезли въ городъ. Хватились молотобойца — ни его, ни странника нѣтъ: сгинули.

Слѣдуетъ заметить, что настоящая сказка, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается не оригинальной, не самостоятельной по своему сюжету. Обозрѣвая сказочный матеріалъ, мы замѣчаемъ, что въ сказкахъ любимое мѣсто чорта — кузнечная труба. Кромѣ того, мы имѣемъ легенду о томъ, какъ хромой бѣсъ перековалъ пустынника

(*Сноска:* Народныя русскія легенды собр. Аѳанасьвымъ стр. 76—77.).

Весьма сходный варіантъ мы находимъ тамъ же, а затѣмъ — сюжетъ этой сказки извѣстенъ и въ западноевропейскихъ

(*Сноска:* Тамъ-же стр. 104-107, и примѣчанія стр. 145. Срв. Отечеств. Записки 1840 г. № 2. смѣсь, стр. 50—51. тоже, отчасти иначе,— Grimm. Kinder und Hausmärchen II, № 147 Христосъ и ап. Петръ перековываютъ нищаго, Norwegische Velksmärchen, gesammelt. v P. Albjornsen end Jorgen, № 21. П.В. Шейнъ, Маторіалы. II т. стр. 144.)

и въ остальныхъ народныхъ литературахъ

(*Сноска:* Отмѣтимъ хотя бы варіантъ въ „Книгѣ Мудрости н Лжи" (Грузин. басни XVII ст.) С.С. Орбеліани, перев. Ал. Цагарели. Спб. 1878. стр. 84, № 75. .—варіантъ наиболѣе схожій съ нашимъ.)

Мы не будемъ входить въ подробности сравненія; отмѣтимъ лишь то, что если бы настоящей сюжетъ о мстительномъ чортѣ былъ совершенно чуждъ нашей народности, если бы онъ не нашелъ подходящей почвы, чтобы укорениться и получить широкое распространеніе, то мы оставили бы его безъ вниманія, какъ ничто случайное. Но здѣсь появленіемъ его нельзя пренебрегать: нашъ сюжетъ совпалъ съ вѣрованиями и взглядами народа на нечистаго и прочно укрепился въ народной средѣ; примкнувъ къ другимъ разсказамъ о томъ же чортѣ и объ отношеніи его къ людямъ.

Отъ сказокъ о нечистой силѣ обратимся к тѣмъ народнымъ разсказамъ, гдѣ также силенъ элементъ чудеснаго и таинственнаго, къ разсказамъ о мертвецахъ. Вѣра въ сохранение мертвецами способности живыхъ людей — двигаться, говорить, являться людямъ изъ могилъ и вступать въ различныя отношения съ живыми близкими людьми и родственниками — эта вѣра была всегда сильно распространена въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ и эпохъ

(*Сноска:* Обь этомъ собранъ матеріалъ и указана литература въ первыхъ главахъ изслѣ-дованія И. Созоновича: «Ленора Бюргера и родственные сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской». Варшава. 1893.)

Не будемъ распространяться о возможныхъ причинахъ возникновенія подобнаго вѣрованія; укажемъ лишь на наиболее вероятную причину, на аналогию сна и смерти, которая всегда бросалась въ глаза людямъ.

Мертвецъ — существо наполовину уже иного міра: этимъ онъ внушаетъ таинственное уваженіе къ себѣ. Пока трупъ не подвергся окончательному разложению — въ него всегда можетъ вернуться душа его и оживить къ новой деятельности. Это воззрѣніе мы находимъ, напримѣръ, у египтянъ и равнымъ образомъ у народовъ ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Оно — плодъ извѣстнаго психическаго настроенія, являющагося по поводу двухъ аналогичныхъ явленій, созерцаемыхъ человѣкомъ. Издавна существовалъ также взглядъ, что души добрыхъ людей, посли смерти этихъ послѣднихъ, являются охранителями живыхъ людей и интересовъ ихъ. Души же злыхъ, особенно колдуновъ или знавшихся съ нечистой силой, оказываются и послѣ смерти тѣла, врагами и ненавистниками — всего живущаго, подобно діаволу,_которому они служили при жизни.

Сообразно этимъ послѣднимъ взглядамъ на мертвецовъ, народные разсказы о нихъ распадаются на двѣ группы: одни повѣствуютъ о мертвецахъ, добрыхъ, другіе — о злыхъ.

Вотъ рассказъ, выдаваемый за быль, о мертвецѣ обогатившемъ мужика; сообщаю его тѣми же словами, какъ слышалъ самъ.

Гнали рѣбята барки по Мсты, вошли въ Волхово. Стали ночовать: глядь, одно'во на берегу забыли. Пошелъ онъ по берегу; думаеть своихъ наздогнать [*глагол "наздогнать" я слышал в Будогощи от детей в конце 1950-х - OCR]*.

И видит, лежитъ на берегу покойник въ хорошей одежи. Вотъ парень то и здумай: роздину ево; на што ему хорошая одежа? — а мни-ка послужи. Роздилъ и пошолъ. Только и ду'мае: штожъ я ёво такъ то бросилъ. Вернулся молитву сотворить и ви'ди, што у ёво на груди хрестъ золотой. Снялъ съ ёво хрестъ, да неловко безъ хреста бросить. Нади'лъ на покойника свой, да и говорить: «Вотъ мы хрестамъ поменялись, побратались, значитъ. Прошшай брать хрестовой!» Нашолъ оиъ своихъ; и вотъ приходить ночь. Является ему этоть покойникъ и гово'ри: «што ты, хрестовой брать, меня и не похоронилъ; грешно теби-ка меня такъ бросить. Вернись, захорони меня, да возьми у меня съ руки золотое кольцо». Совестно стало парню. Вернулся, помолился надъ нимъ, захрестилъ, вси молитвы прочёлъ, какія зналъ и опятъ пришелъ на барку. А ночью снова прихо'ди къ нему покойникъ и гово'ри: «Вотъ взялъ ты теперь кольцо,

одежу; сходи, как будешь въ Новѣ-городѣ, къ моей матушки и скажи, што ты, мой брать хрестовой, захоронилъ меня, а въ подполья пусть она розлома'тъ стенку, (и указалъ гдѣ) и што найдешь — себи возьми». Парень и былъ въ Новѣ - городѣ, да не послушался: «што», говори, «пойду я, объявлюсь?—на меня скажутъ, што убилъ да поса'дя». А покойникъ опять къ нему прихо'ди и про'си. Думаетъ парень: што какъ онъ и дома начнё ходить кожную ночь? схожу. Рѣшилъ и пошелъ. Показалъ онъ матери кольцо и всё разсказалъ по порядку.

Мать сейчасъ ево въ клѣть посадила, заперла и хочетъ въ судъ отдать.

Только пришла ночь. И вотъ сынъ покойникъ прихо'ди къ матери и говори: «выпусти матушка, тово человека, своди ево въ подполье и отдай ему што онъ самъ возьметъ. Кабы не захоронилъ онъ меня, такъ клевали бы меня вороны, мылъ бы мои косточки холодный дождикъ». Свела мать парня въ подполье; нашелъ онъ тамъ казну, какъ сказано было, поѣхалъ на родину и сталъ жить да поживать.

Въ этомъ разсказѣ отразилось вѣрованіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ, что позорно и нечестиво оставлять умершаго безъ погребенія.

Теперь обратимся къ сказкамъ, гдѣ мертвецъ является страшнымъ, злымъ существомъ. Вотъ сказка о трехъ братьяхъ и отцѣ колдунѣ.

Жили были трое братьевъ, а отецъ у нихъ былъ колдуномъ и жилъ особя'. Померъ онъ и помирамше велилъ, чтобъ.его трои сутки откараулить, а раньше того не хоронить. Приходитъ какъ разъ къ нимъ въ этое время солдатъ и просится ночовать. Они и говорятъ: милости просимъ «ночовать, только си'ночь покарауль ты у насъ отца». Солдатъ согласился. Забрался въ избушку, гдѣ особя' жилъ колдунъ, зажогь свечку, сиди и читае. Вдругъ съ трубы штотъ кричитъ: «упаду!» А онъ неглядя въ отвѣтъ: «да падай!» И упала въ избу нога, вся въ шерсти. Немного погодя опять: «упаду!» Солдатъ опять: «вались», говорить. И свова тотъ же голосъ: и упала дру-гая нога, потомъ руки, туловище, голова. И опять голосъ: «встаю».—«Да вставай», сказать солдатъ: поднялъ глаза в видитъ: стоить передъ нимъ ктотъ мохнатой, страшной такой. «Погоди я ужо те проберу», товоритъ солдатъ: какъ сталъ пробираться мохнатой кь ему, онъ его и пересѣкъ саблей.

Запѣли петухи и чудо сгинуло. - На вторую и на третью ночь, упросили остаться солдата опять караулить; то-же самое случилось съ нимъ. Братья перепугались, про'ся ево: «свезп ужъ и на погостъ ево». Солдатъ велѣлъ набить на домокъ (гробъ) три обруча желѣзныхъ, поставилъ на телѣжку и самъ сверху сѣлъ. ѣхалъ, ѣхалъ; обручъ - лопъ! Попоѣхалъ еще немного — другой лопъ! Немного погодя и третій лопнулъ. Солдатъ на

руку обручи надѣваетъ и что есть духу скачегь на погостъ. Привозъ покойника, а батька дома нѣть. Говорить отъ матки-прпгадьи: «тѣло привёзъ». А она ему велила поставить ево въ синяхъ, въ чуланчикѣ. Набилъ солдатъ обручи на домокъ и уѣхалъ скорѣй. Сиди матка ночью, ждё батька. Вдругъ обручъ: лопъ! Не батька ль пріихалъ, думае матка и поглядыва за окошко. И второй, и третій лоп-нулъ - и батька всё нѣтъ. Слыши попадья: ктотъ въ избу идё, въ дверь ломится: «пущай», говоритъ, «а то и такъ попаду!» Она запнулась, залезла на печку, «всѣхъ ребятъ и кошекъ и собакъ съ собой забрала. Мертвецъ вломился въ избу, сталъ шарить у печки и лѣзть туда; попадья ему щенка бросила: онъ его разорвал и съилъ. И опять лѣзетъ, - а она ему кого-нибудь опять кине: всихъ и кошекъ и собакъ перерыла; маленькаго ребенка ему бросила: онъ и того разорвадъ и съилъ. И въ этое время запилъ питухъ—мер-твецъ упалъ навзничь. Немного погодя срядъ и батька пріихалъ. Видить каково у матки чудо случивши, сконилъ народъ, свезли мертвеца въ яму, зарыли и осиновымъ колышкомъ забили.

Настоящая сказка по своему характеру и складу близко подходить къ сказкамь сообщоннымъ И. Сазоновичем въ вышеупомянутомъ его изслѣдованіи. Говорять также въ д. Будогощѣ, что мертвецы жестоко наказывают техъ, которые относятся къ нимъ безъ должнаго уваженія. Одинъ изъ такихъ случаевъь мести мертвеца я здѣсь и приведу.

Собрались дѣвки да ребята на посидку, а одинъ парень и говоритъ: « давайте ка я сюда покойника принесу». А о ту пору былъ покойникъ въ часовни. Парень и вправду принёсъ его, поставилъ у дверей къ печки. Сталъ покойникъ оттаивать и опускаться, а дѣвки отъ страха кто на печку, кто въ запечекъ забрались и велятъ несть его назад. А парень не хочет, говоритъ: «несите сами!»—забоялся. Покойникъ молчалъ, молчалъ да и заговорилъ: «кто взялъ, тотъ и неси назадъ». Хоть страшно было, а надо несть. Вотъ парень съ товарищемъ и понесъ его. Принесли в часовню, положили на старо мѣсто, а покойникъ и говоритъ: «Попрощайтесь со мной». Товарищ, который помогал нести, назадъ, попрощался как следует, а перваго, выдумщика, покойникъ захватилъ рукам за шею, и отнять нельзя было. Руки пилить хотѣли — пила ней-детъ. Такъ ихъ вместяхъ и схоронили.

Некоторыя сказки о мертвецахъ не лишены комическаго элемента, но въ общем — это рѣдкое явленіе. Как примѣр мы сообщимъ сказку, довольно сходную въ частностяхъ с приведенной нѣсколько выше сказкой о колдунѣ, трехъ сыновыхѣ и солдатѣ.

Жили-были мужикъ да баба, и былъ у нихъ сынъ. Сына сдали въ солдаты. Отслужилъ онъ свой срокъ и вернулся домой въ деревню, а матери и отца нѣтъ. Спрашиваетъ онъ, гдѣ они; ему отвѣчаютъ мужики: «вотъ новой домъ, тутъ и померъ твой отецъ; а мать тоже давно померши». Взялъ солдатъ вина и пошелъ въ домъ. Сидитъ ночью, пьетъ вино, а покойникъ и приходитъ — весь въ бѣломъ. И говоритъ онъ сыну; «я съѣмъ тебя». — «Погоди», говоритъ солдатъ, «сперва вина выпьемъ, а потомъ и съѣшь меня». — Пьютъ, а солдатъ этакъ между прочимъ и спрашиваетъ, быдто ни къ чему: «и чѣмъ это, батюшка, васъ убиваютъ?» А покойникъ и говоритъ: «осиновымъ коломъ три раза буде на и'спашку успѣешь ударить—убьешь». Пошелъ солдатъ въ сѣни, быдто за нуждой; ищетъ осиновой палки, а мертвецъ кричитъ: «што ты тамъ мешкаешь, мни ка тебя ись пора». Нашелъ, наконецъ, солдатъ палку, подошедъ къ мертвецу, да какъ хватитъ его: тотъ и опрокинулся. Сделали домокъ ему, обручи набили и повезли на погостъ. По дорогѣ одинъ лопнулъ, другой цѣлъ остался. Привезли, похоронили и осиновымъ клиньямъ забили.

Въ заключеніе замѣтимъ следующее: разсказы чудеснаго характера — о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, существахъ, о чортѣ и встающихъ изъ гробовъ мертвецахъ распространены далеко не повсемѣстно и вовсе не равномерно въ средѣ' нашего крестьянства. Не будемъ отрицать вліянія школы, какъ фактора разрушающаго миѳическія воззрѣнія на природу; но и помимо того, что школа существуетъ давно и имѣетъ много учениковъ, мы встрѣчаемъ села, гдѣ населеніе чрезвычайно много знаетъ разсказовъ о мертвецах и чертях. Съ другой стороны въ совершенно забытыхъ просвѣщеніемъ глухихъ углахъ мы къ удивленію можемъ совершенно не встрѣтить подобныхъ разсказовъ. Причина, на нашъ взглядъ, лежит в существенныхъ чертахъ психическаго склада народа, мѣстность населяющаго данную.

Кое гдѣ уже съ недовѣріемъ начннаютъ относиться къ такимъ разсказамъ. Старые люди, слыша высказываемыя сомнѣнія и распросы о причинахъ этихъ чудесъ, повторяютъ одну обычную фразу:«въ старину люди простые были, проще нас, оттого и видѣли всякія чудеса, а теперь пошелъ хитрой народъ,- до всего самъ дойти хочетъ».